

Александр Киклевич (Olsztyn)

Детерминативная функция именных групп: значения и реализация

1. Детерминативная функция, имеющая два значения: [+определенность] и [–определенность], — соотносит обозначаемый референт (или множество референтов) с базой знаний речевого субъекта, основанной на его интеллектуальной, практической или коммуникативной деятельности. Начнем рассмотрение этой функции с нескольких тривиальных примеров:

Пришел Иван.

Пришел студент.

Пришел некто Иванов.

Во всех трех случаях именные группы (ИГ) являются референтными, однако их детерминативная оценка говорящим варьируется. В первом случае имя собственное обозначает конкретное лицо, известное говорящему и слушающему: 'На основании личного опыта, предшествующего данной коммуникативной ситуации, я могу сказать о предмете *A* больше, чем сказал'. Во втором предложении нарицательное существительное — в постпозиции по отношению к глаголу-сказуемому — обозначает неизвестный говорящему предмет. В данном случае возможна интерпретация: 'Тот, кто пришел, является студентом; на основании личного опыта, предшествующего данной коммуникативной ситуации, я не могу сказать о об этом предмете больше, чем сказал'. С помощью неопределенной дескрипции *студент* говорящий сообщает только о принадлежности предмета к классу, но не владеет информацией об индивидуальных свойствах предмета.

В третьем предложении на неопределенность референта нарицательного существительного указывает местоимение *некто*. Говорящий сообщает, что его база данных не позволяет сообщить о предмете больше, чем сообщается, т.е. более того, что предмет является носителем фамилии *Иванов*.

В структуре категории детерминативности имеется и третье значение: [±определенность], ср.:

Иван играет на скрипке.

Отсутствие структурного показателя определенности/неопределенности не позволяет однозначно установить денотативный статус ИГ *на скрипке*.

Факторы определенности/неопределенности ИГ варьируются в зависимости от вида деятельности, в рамках которой формируется база данных об объекте: практической, интеллектуальной или коммуникативной (см. Mangold-Allwin 1995, 21). В соответствии с этим можно различать три типа определенности: эмпирическую, энциклопедическую и коммуникативную.

2. Эмпирическая (дейктическая, экзофорическая) определенность ИГ основана на том, что их референт характеризуется с точки зрения его отношения к речевому акту и участникам информационного обмена. Эмпирически определенные ИГ указывают на объекты, которые непосредственно присутствуют в ситуации общения и воспринимаются органами чувств. Подобные единицы, считал И. И. Ревзин, обладают «коммуникативным значением» (1978, 137). Ср. (Земская/Капанадзе 1978):

– *Тань, а сколько мне на костюмчик нужно?*

– *Ну здесь ширина небольшая / наверное девяносто.*

Адвербиальное указательное местоимение *здесь* обладает эмпирической определенностью, ср. экспликацию: «Наблюдаемый предмет — отрез ткани — имеет небольшую ширину».

Систему средств выражения эмпирической определенности представляет категория лица, которая позволяет характеризовать денотат ИГ как «лицо с точки зрения его роли в речевом акте», т.е. выступает как «актуализационная категория дейктического типа» (Химик 1990, 8). Квалифицируя персональность таким образом, А. В. Бондарко исходит из следующей дефиниции:

«Персональность — это семантическая категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи — прежде всего говорящему» (1991, 5; см. также: Laskowski 1993, 377).

На связь категории персональности с детерминативной семантикой указывают также: Halliday/Hasan 1976, 37; Heger 1965; Rittel 1985, 28; Scherner 1979, 97; Булыгина/Шмелев 1997, 320 и др.

Дейктическая определенность реализуется личными и притяжательными местоимениями 1-го и 2-го лица. Личные местоимения непосредственно указывают на то, что участником описываемой в высказывании ситуации является говорящий или слушающий. Так называемые «притяжательные» местоимения характеризуют лицо по его отношению к одному из участников речевого акта: говорящему, слушающему или свидетелю. В конструкциях одного типа это отношение закодировано в значении существительного — девербативного или релятивного:

мой приезд = ‘я приехал’
мой помощник = ‘тот, кто мне помогает’

В конструкциях другого типа отношение между участником референтной ситуации и участником коммуникативной ситуации не названо — реципиент должен декодировать его на базе собственных знаний о мире, т.е. обращаясь к когнитивным или ситуативным нормам, ср.:

мой город = ‘город, в котором я живу’
моя книга = ‘книга, которую я написал/купил/подарил и т.д.’
мой компьютер = ‘компьютер, на котором я работаю’

Формы местоимений 3-го лица трактуются обычно как анафорические (Rittel 1985, 45). В. В. Химик считает, что этим формам присуща «отстраненная функция неучастника речевого акта». Данная трактовка основана на высказанном ранее такими авторитетными учеными, как Р. Якобсон и Э. Бенвенист, положении, согласно которому формы типа *он, она, оно, они* не выражают лица. 3-е лицо не учитывается в оппозиции *я — ты* при рассмотрении персональности в некоторых философских работах (Welte 1980, 15). Фактическим подтверждением этого положения можно считать, например, то, что в грамматике турецкого языка 3-е лицо глаголов в единственном числе не имеет морфологического маркера, а во множественном числе выражается суффиксом *-lar*, который характерен для словоизменительной парадигмы существительных (Schroeder 1989, 19).

Более обоснованной представляется, однако, другая точка зрения, согласно которой 3-е лицо входит в личную парадигму (Looser 1975, 249). А. В. Бондарко (1991, 8) указывает на «неанафорический дейксис» как «одну из возможных функций 3-го лица». Референт, соотносимый с третьим лицом, является не только тем, о ком/о чем говорят (как считает, например, Rittel 1985, 28), но может выступать и как косвенный участник речевого акта, находящейся в поле зрения, а иногда и взаимодействующий с говорящим и слушающим. Таково местоимение *его* в следующем контексте:

Раздевшись, как и он, я легла в кровать, и дрожала от холода, а он кидался на меня, скрежетал зубами, кричал растерянно: «Я зверь! Я зверь!» — и без всякого видимого эффекта истерично трепал свой жалкий отросток. Потом поднес свое беспомощное излишество к моему лицу и сказал капризно: «Поцелуй Ego!» (В. Войнович).

3-е (дейктическое) лицо соотносится с двумя сферами речевого акта: а) со зрителями (свидетелями) и б) с обстановкой (сценой) коммуникации. В работе (Clark, Carlson 1982; русский перевод: Кларк, Карлсон 1986) исследуется ориентация речевых сообщений на свидетелей диалога. Авторы обращают внимание на то, что принятое в стандартных теориях коммуникации отождествление адресата и слушающего принципиально неверно — речевой акт может осуществляться в присутствии зрителей, которые воспринимают информацию, предназначенную для другого лица (других лиц). Исходная предпосылка упомянутой работы состоит в том, что естественная коммуникативная стратегия говорящего предполагает принцип ответственности (principle of responsibility):

“Speakers perform illocutionary acts not only toward addressees, but also toward certain other hearers [...] Each is responsible at all times for keeping track of what is being said, and for enabling everyone else to keep track of what is being said” (ibidem, 333сл.).

Актуальность 3-го лица как косвенного реципиента сообщения демонстрируется, в частности, на примере эллипсиса (все английские примеры заимствованы из упомянутой выше работы):

(Charles, to Ann, in front of Barbara) *Did you like the museum?*

(Ann, to Charles, in front of Barbara) *Yes, I did.*

(Charles, to Barbara in front of Ann) *What about you?*

(Barbara, to Charles in front of Ann) *I liked it too.*

Задавая вопрос Анне, Чарльз принимает во внимание, что в диалоге, хотя и косвенно, участвует также Барбара — это и позволяет ему элиминировать некоторые лексические компоненты в реплике *What about you?*

Присутствием третьего лица в ситуации общения обусловлены и косвенные речевые акты, при которых сообщение одновременно направляется прямому адресату и зрителю, но его прагматический эффект рассчитан только на второго:

(Mother, to three-month-old, in front of father) *Don't you think your father should change your diapers?*

(Father, to dog, in front of son) *Lassie, Daniel is about to take you for a walk.*

(Mechanic, to automobile, in front of co-worker) *Damn it, car, I need two more hands to help me bolt your fender back on.*

Комментируя высказывание

(Mother, to son, in front of his friend) *Does she want another cup of coffee?*

Кларк/ Карлсон отмечают:

“In asking her son this, the mother is really telling the woman indirectly that she is refusing to speak to her. If the mother had said directly *I refuse to speak to you*, she would be belying her own words. She can accomplish what she wants only indirectly and laterally” (ibidem, 337).

Другим средством выражения эмпирической определенности являются указательные местоимения: *этот, тот, здесь, там, сюда, туда, сейчас, тамошний, здешний, нынешний, сегодняшний* и др. В зависимости от синтаксической позиции они делятся на две группы: присубстантивные (нем. *Nomenbegleiter*) и прилагольные (*Nomenvertreter*) (von Schuch 1990, 111).

Теми́н “указательные местоимения” не полностью отражает семантическую сущность этих единиц, потому что они выражают не только демонстративную (как в репликах покупателя), но и перцептивную (как в реплике продавца) определенность (Земская/Капанадзе 1978):

Покупатель. *А эти зимние белые большие только?*

Продавец. *Большие.*

Покупатель. *А вот эти польские, “Хелена”, это только большие размеры, да?*

Продавец. *Это не польские — Венгрия.*

В немецком языке имеются дейктические показатели морфемного формата, которые инкорпорируются в морфологическую структуру некоторых глаголов: *herauf* = ‘оттуда, снизу к говорящему, который находится наверху’; *herunter* = ‘оттуда, сверху к говорящему, который находится внизу’; *herein* = ‘оттуда, снаружи к говорящему, который находится внутри’; *heraus* = ‘оттуда, изнутри к говорящему, который находится снаружи’ (Braunmüller 1977, 145), например:

herausgehen = ‘выходить (сюда)’

hereinkommen = ‘входить (сюда)’

heraufkommen = ‘подниматься наверх (сюда)’

herunterkommen = ‘спускаться вниз (сюда)’

В качестве средств выражения дейктической определенности эпизодически употребляются нарицательные существительные, например:

— *Прикончили б сразу, чем так.*

— *Ага, именно! Все больно жалостные, гляжу, а пострелять — другой дядя пускай.*

— *Другому дяде, небось, и приказано.*

— *Мало мне чо приказано (Г. Владимов).*

Выражение *другой дядя* употребляется для косвенного обозначения в первом случае — говорящим самого себя, в другом — партнера по общению, ср. перифразы: *Пострелять должен я; Тебе, небось, и приказано*. Подобное, не прямое, именование одного из коммуникантов создает магический, а именно — эвфемистический эффект и используется тогда, когда в соответствии с теми или иными аксиологическими пресуппозициями упоминание об участии одного из коммуникантов в описываемом событии нежелательно.

Нарицательное существительное *человек* может дейктически употребляться в речи, иногда при условии предупомянутости лица:

Дайте человеку поспать! = ‘Дайте мне/ему поспать’.

— *Посмотрите, Иван опять просит добавки. — Человек любит поесть!* = ‘Он (наблюдаемое и упомянутое лицо) любит поесть’.

Для выражения дейктической демонстративной определенности в устной речи широко употребляются невербальные знаки, прежде всего проксемические — жесты, направление взгляда, а также кинетические — приближение говорящего к предмету.

3. Энциклопедическая (когнитивная) определенность обусловлена наличием у говорящего устойчивого, хранящегося в долгосрочной памяти образа референта. Этот тип семантики определенности реализуется с помощью собственных имен:

Я сяду на «Кропоткинской», а у «Библиотеки» выйду.

ИГ «Кропоткинская» и «Библиотека» обладают энциклопедической определенностью, ср. экспликацию: ‘Я выйду на станции метро, которую я знаю/помню как «Кропоткинскую»’.

В литературе встречается мнение, что в случае имен собственных экстенционал и интенционал совпадают (Schwarze/Wunderlich 1985, 32). Но обратим внимание на то, что существуют имена собственные с двумя различными типами экстенционалов — единичным и множественным. В первом случае речь идет об именах уникальных объектов, например, о топонимах типа *Любляна*. Во втором случае имена собственные, например, онимы типа *Иван*, омонимичны. Следует отметить, что и уникальные имена не являются абсолютно жесткими номинациями единичных объектов: во-первых, они допускают семантическую деривацию: в одном из рассказов А. Платонова *Москва* — имя девушки. Во-вторых, даже единичный объект представлен множеством пространственных и временных вариаций:

— Ты кто такая?

— Я... я затрудняюсь сказать, сэр, кто я такая сейчас. Я знаю, кем я была утром, когда встала с постели. Но по-моему, с тех пор меня несколько раз превращали в кого-то другого [...]

— И ты сама это заметила?

— Боюсь, сэр, что уже не я сама. Потому что, когда я заметила, что я не сама, по-моему, я уже была не я сама (Л. Кэрролл).

В-третьих, встречается тиражирование собственного имени при номинации объектов одного типа:

Na Śląsku jest 50 Ligot.

Данное высказывание можно интерпретировать как ‘В Шлёнске имеется 50 населенных пунктов, которые называются Лигота’ (Feleszko 1981, 200; см. также: Hlavsa/Svozilová 1969, 122).

Ошибочность точки зрения, согласно которой значение имени собственного сводится к указанию на объект (имя собственное как “жесткий десигнатор” в теории каузальных цепочек С. Крипке), заключается в том, что имена собственные заключают в себе характеризацию объекта (Серл 1982, 197ссл.). Если при употреблении нарицательного существительного актуализируются существенные, объективные свойства референта как представителя определенного класса, то при употреблении имени собственного актуализируется внешнее, субъективное свойство объекта — присвоенное ему имя. В высказывании

И все Горюхины мерзавцы, как все большие господа (Горюхин)

имя собственное во множественном числе можно интерпретировать как ‘те, кого зовут *Горюхин* / носители фамилии *Горюхин*’. Как пишет У. Чейф, у лиц, которых зовут *Майкл*, нет ничего общего, кроме имени *Майкл* (1975, 131). В связи с этим в содержании единичных имен усматривается метаязыковой признак (Руденко 1990, 219).

3. Вендлер (1982, 211) пишет, что имена собственные не допускают сочетаемости с артиклями, что подтверждает их особый, недискрепитивный статус. Речевой материал, однако, этого правила не подтверждает: ИГ типа “артикль + собственное имя” являются отмеченными, например, в немецком языке (Knobloch 1992, 459ссл.):

Ein Max Müller hat für Dich angerufen.
Der/dieser Max Müller hat für Dich angerufen.

В первом случае собственное имя значит ‘некто Макс Мюллер’, во втором — ‘этот, упомянутый, известный Макс Мюллер’. Выражение семантики детерминативности в данном случае вынесено за пределы собственного имени, которое является здесь лишь носителем метаязыкового смысла ‘тот, кто называется *Макс Мюллер*’.

Б. Рассел указывал, что отсутствие у имен собственных значения проявляется в высказываниях тождества типа

Скотт — автор “Веверля”,

которые, однако, не тавтологичны: лексическое содержание имени *Скотт* и содержание дескрипции *Автор “Веверля”* не совпадают (1993, 26). Этот аргумент представляется все же неубедительным, потому что в выражении

Автор “Веверля” — это автор “Айвенго”

также отсутствует тавтология — в силу семантического различия дескрипций *автор “Веверля”* и *автор “Айвенго”*. Можно предположить, что и высказывание

Скотт — автор “Веверля”

не содержит тавтологии по той же причине. Приводя в качестве примера дескрипцию *золотая гора*, денотат которой носит фиктивный (потенциальный) характер Рассел писал: “Имя не может осмысленно входить в суждение, если нет чего-то, что оно именуется, в то время как дескрипция не подчиняется этому ограничению” (ibidem, 27). С этим положением также трудно согласиться. Референты имен типа *Наполеон* относятся к области интенциональных возможных миров, и, подобно сочетанию *золотая гора*, их “осмысление” зависит от комплекса фоновых знаний субъекта.

Элементы интенциональности содержат также показатели грамматической семантики собственных имен. Например, благодаря нулевой флексии оним *Михаил* включает семантический признак ‘принадлежит к классу мужчин’ (Богданов 1977, 36; Knobloch 1992, 467). Имеются также существенные прагматические различия в парадигме имен собственных: *Алексей Петрович — Алексей — Алеша — Лешка* и т.д. (Супрун 1993).

Значением ‘предмет *a* называется *H*’, а также сопутствующими грамматическими и прагматическими признаками содержание собственных имен, однако, не исчерпывается. Во-первых, в их содержание входит референтность: собственное существительное обозначает не класс объектов, называемых одним и тем же именем, а в единственном числе — один выделенный объект, в множественном числе — выделенную подгруппу объектов. Ср.:

В гостях были Ивановы.
Все Ивановы талантливы.

В первом случае имя собственное называет группу гостей по их принадлежности к одной семье, члены которой носят фамилию *Иванов*. Во втором случае имеются в виду представители одной династии. В литературе отмечается невозможность предикативного (атрибутивного) употребления собственных имен (Chisholm 1992, 90).

Имена собственные обладают еще одним важным признаком: они называют такой выделенный объект, который обычно известен говорящему до речевого акта. Как пишет В. Лефельд, имена собственные не имеют значения в общепринятом смысле — они обладают референцией бла-

годаря внеязыковым знаниям носителей языка (Lehfeld 1996, 128). Наличие когнитивного фона в содержании собственных имен позволяет употреблять их в переносном значении, общая структура которого может быть представлена в виде трансформы ‘такой, как А’. О выражениях типа

Наполеонов нам не надо

Д. И. Руденко пишет:

“объект, действительно обладающий соответствующим именем [...] в таких случаях рассматривается как символ, точнее, “образец” некоторого присущего ему свойства, которым обладают и другие объекты” (1990, 220).

По мнению Руденко, сходство собственных имен с эгоцентрическими словами заключается прежде всего в том, что их употребление обычно сопровождается семантикой определенности (см. также: Runggaldier 1985, 117). О референте имени в высказывании

Наполеон умер в изгнании

говорящему известно больше, чем только то, что его звали *Наполеоном*. На наличие устойчивой когнитивной информации, ассоциируемой членами языкового сообщества с тем или иным именем собственным, указывает и следующий пример (Birkenmaier 1977, 51):

Один человек, имени называть не буду, чтобы ни о чем не догадались, влюбился в одну девушку.

Для подтверждения семантики определенности имен собственных Е. В. Падучева использует критерий отрицания (1985, 37), ср.:

Эдип женился на своей матери.

Эдип женился на Иокасте.

Эдип не знал, что женился на своей матери.

*Эдип не знал, что женился на Иокасте.

В речевой практике можно, однако, встретить и «некогнитивное» функционирование собственных имен, ср. отрывок из рассказа А. Чехова “Ночь перед судом”:

— *Вы правду говорите, что вы доктор? Серьезно?*

— *Честное слово. Так позволите принести вам порошок?*

— *Ну, если вы доктор, то пожалуй... Только зачем вам трудиться? Я могу мужа выслать к вам... Федя! — сказала брюнетка, понизив голос. — Федя! Да проснись же, тюлень! Встань и поди за ширму! Доктор так любезен, он предлагает нам персидского порошку.*

Присутствие за ширмой “Феди” было для меня ошеломляющей новостью.

Если в реплике брюнетки имя собственное *Федя* содержит когнитивную определенность — речь идет о хорошо знакомом ей лице — ее супруге, то в реплике героя то же имя собственное значит нечто иное (отсюда и кавычки), а именно — ‘упомянутое лицо, названное *Федей*’. Имя собственное сохраняет, видимо, определенность, но это — определенность не когнитивная, а коммуникативная — указание на лицо, являющееся предметом разговора.

Энциклопедическую определенность эпизодически выражают личные местоимения 1-го лица:

— *Кто там?*

— (голос за дверью) *Я.*

Местоимение *я* позволяет в данном случае идентифицировать лицо отчасти на основании аудиального контакта коммуникантов, что представляет собой элемент эмпирической определенности. Отчасти же лицо идентифицируется благодаря существованию в памяти речевого субъекта ассоциации между голосом и конкретным человеком. Энциклопедический характер определенности ИГ подтверждается тем, что местоимение *я* в рассматриваемом примере можно заменить именем собственным:

- *Кто там?*
- *Аркадий.*

Поскольку определение лица основывается здесь на паралингвистических, а именно — акустических критериях, то, в сущности, лексическое содержание ответной реплики в подобных ситуациях вербальной идентификации лица не играет значительной роли — выбор лексических средств автопрезентации регулируется, скорее, социально- и культурно-прагматическими нормами.

4. Коммуникативная (эндофорическая) определенность основана на семантической связности текста и заключается в упомянутости обозначаемого референта — до или после момента сообщения. Ср. высказывание, где словоформа *она* выступает как маркер коммуникативной определенности :

- *Если ты мне дашь нитки, коробку эту, я заштопаю.*
- *А где она?*

Личное местоимение *она* можно интерпретировать как ‘упомянутая коробка с нитками’.

В артиклевых языках для выражения этой семантики используются специализированные формы — артикли. Русскому предложению

Она дала кошке крысу

может соответствовать несколько вариантов детерминативной интерпретации одного и того же диктума (пример из работы: Джеймс 1989, 244):

- She gave a cat the rat.*
- She gave the cat the rat.*
- She gave a cat a rat.*

Указательные местоимения употребляются не только дейктически, но и эндофорически, что указывает на их близость к личным местоимениям 3-го лица, хотя между ними имеются и существенные функциональные различия (Berger/Weiss 1987, 50ссл.). Позицию субституированного указательного местоимения может заполнять личное местоимение 3-го лица, например:

Старик удивленно глядел на мальчика. Тот/он был весь перепачкан.

Указательные и относительные местоимения могут употребляться как анафорические субституты высказываний, т.е. просентенциально (Braunmüller 1977, 29ссл.):

Morgen fährt Monika weg (und auch Gisela reist ab). Dies bedauern natürlich alle.
Morgen fährt Monika weg (und auch Gisela reist ab), was natürlich alle bedauern.

К маркерам коммуникативной определенности следует отнести и рефлексивные местоимения *себя, свой* — они характеризуют объект на основе кореферентности с подлежащим (Киклевич 1996), ср.:

Маша увидела себя в зеркале.

Данное высказывание можно интерпретировать: ‘Маша увидела в зеркале того, кто упомянут как предмет данного сообщения’.

П. Пипер относит к возвратным и местоимение *сам*, которое в некоторых контекстах «замещает название лица, тождественного субъекту» (1988, 82).

Близки по содержанию к рефлексивным взаимные (симметричные) местоимения, которые указывают на совместное участие в ситуации нескольких лиц, одно из которых является референтом подлежащего. Ф. фон Кучера (Kutschera 1971, 70) интерпретирует высказывание

Max und Manfred hassen einander = ‘Макс и Манфред ненавидят друг друга’

следующим образом:

UND (HASSEN (Max, Manfred), HASSEN (Manfred, Max))

Предикат высшего порядка *und* выступает здесь в значении ‘одновременно’.

Одной из форм коммуникативной определенности являются нулевые знаки (Булыгина/Шмелев 1997, 330) — то, что в лингвистической традиции называется ситуативным эллипсисом, ср.:

— *Что делает Маша?*

— *Разговаривает с Егором.*

Пропуск подлежащего следует рассматривать здесь как индексальный знак с содержанием ‘упомянутое лицо’. Тождество существительного *Маша* и синтаксического нуля только референтное: они обозначают одно и то же лицо. Однако сигнификативная семантика данных знаков разная, ср.: *Маша* = ‘известное говорящему до речевого акта на основании личного опыта лицо, которое зовут *Маша*’; # = ‘упомянутое лицо’ (см. Киклевич 1998, 107). В таком употреблении реализуется общая ориентация нулевых знаков на категорию нормы (стереотипа). В данном случае нормой коммуникации является семантическая связность речи, в известной терминологии Г. П. Грайса — принцип релевантности. Незаполнение синтаксической позиции слова означает, что говорящий придерживается начатой темы (в нашем конкретном примере это — *Маша*).

Формальные средства детерминативности многозначны: каждое из них обычно выражает несколько типов определенности — эмпирическую, когнитивную, коммуникативную. Эта закономерность проявляется и в сфере семантики неопределенности. В высказывании

Кто-то приближается

ИГ может быть интерпретирована и как ‘неопределенное лицо, которое говорящий не может идентифицировать из-за его отсутствия в речевой ситуации’, и как ‘неопределенное лицо, отсутствующее в базе знаний говорящего’. На это различие указывают и перифразы:

Я не вижу (не могу рассмотреть) того, кто приближается.

Я не знаю того, кто приближается.

Эмпирическая или когнитивная интерпретация неопределенного местоимения в значительной степени зависит от контекста. Существуют контексты, допускающие только одну из таких интерпретаций, например:

*Но сегодня этот вид
Новым чем-то веселит* (В. Ходасевич).

Выражение *новым чем-то* содержит, видимо, когнитивную неопределенность — говорящий не может идентифицировать данного признака ни с одним объектом в имеющейся у него базе знаний.

Кроме того следует упомянуть и употребление неопределенного местоимения без семантики детерминативности — как оператора экзистенциальности (Киклевич 1998, 186):

*Кто-то считает, что человек — венец творения.
Кто-то из них вернулся в деревню, а кто-то остался в городе.*

В подобных выражениях *кто-то* можно интерпретировать как ‘существует такой (существуют такие), который...’.

В безартиклевых языках значительные трудности вызывает описание определенности/неопределенности как криптокатегории. Аксиомой современной лингвистической семантики является то, что независимо от грамматического статуса данной категории ее значения присутствуют в семантической структуре высказывания и текста. Например, можно считать, что в безартиклевых языках препозиция по отношению к глаголу-сказуемому является средством выражения определенности, а постпозиция — средством выражения неопределенности. На это указывают примеры типа:

На столе лежит книга.

В данном высказывании подразумевается, что референт существительного *стол* известен, а референт существительного *книга* не известен говорящему. Однако в высказывании

Книга лежит на столе

постпозиция существительного интерпретируется иначе: имеется в виду конкретный, наблюдаемый стол. Можно предположить, что различие в интерпретации постпозитивных существительных *книга* и *на столе* связана с тем, что второе из них имеет локативное содержание, которое взаимодействует с референтной семантикой предиката. Определенность/неопределенность существительного в постпозиции по отношению к сказуемому, вероятно, зависит и от лексического значения существительного. Разные типы референтов определяют свои условия идентификации, например — *книга* и *ложка*, ср.:

На столе лежала ложка.

Существительное *ложка* обозначает референт, для идентификации которого (в отличие от *книги*) достаточно его соотнесения с классом ложек или с прототипическим образом ложки, поэтому в лексическом значении существительного закодирована семантика определенности.

Другим фактором имплицитной реализации категории детерминативности является лексическое значение глагола, ср.:

*Старик увидел корабль.
Старик посмотрел на корабль.*

Различие данных высказываний заключается, в частности, в семантике детерминативности: в первом существительное *корабль* (при условии, что на него падает логическое ударение) является неопределенным, во втором — является определенным: имеется в виду известный, ранее упомянутый корабль.

Нулевая форма считается носителем неопределенности и в так называемых неопределенно-личных предложениях. В русистике принято, что “производитель действия” в таких предложениях “неопределенен” (Белошапкина 1977, 98). Степень этой неопределенности может быть, однако, разная. В высказывании

В дверь постучали

производитель действия не известен ни говорящему, ни слушающему. Однако в высказывании

Меня поселили во флигеле

ситуация иная: производитель действия известен говорящему, например, это — хозяин дома. Референтные высказывания данного типа обычно могут иметь две интерпретации: со слабоопределенным субъектом (как в рассмотренном выше предложении), и с коммуникативно определенным субъектом, как в предложении:

Лену хозяева поселили на первом этаже, а меня поселили во флигеле.

5. Степень определенности ИГ варьируется. Даже в таких типичных случаях, когда в высказывании используется соответствующий маркер определенности и известность референта, казалось бы, не вызывает сомнений, идентификация соответствующего объекта не всегда представляет тривиальна. Рассмотрим в качестве примера перформативное высказывание:

Все сюда!

Локатив *сюда* является определенным — ‘по направлению к месту, в котором находится говорящий’. Но, во-первых, местоимение само по себе не указывает на это место — предполагается, что местонахождение говорящего принадлежит к внеязыковой базе данных адресата. Во-вторых, не конкретизовано и само понятие места, прежде всего его границы, которые могут существенно варьироваться. Известность референта при употреблении определенных местоимений в значительной степени базируется на внеязыковых, докоммуникативных предпосылках речевого взаимодействия.

В функционально-семантическом поле персональности выделяют ядро — местоимения 1-го лица, которые наиболее эксплицитно представляют одного из коммуникантов (а именно — говорящего), и периферию — местоимения 2-го, а особенно 3-го лица; последние, по мнению А. В. Бондарко (1991, 20), “функционально обособлены от указания на участников речевого акта”.

Градуальность в системе персональных форм детерминативности обусловлена важной особенностью их семантической структуры: помимо указания на отношение референта ИГ к участнику речевого акта они в нормальном употреблении предполагают наличие актуального или предварительного контакта реципиента с референтом соответствующей ИГ, а применительно к формам 2-го лица — их совпадения. Иными словами, реципиент должен быть свидетелем номинации, между говорящим и слушающим должен иметься своего рода договор относительно значения личного или указательного местоимения. Если такой “договор” отсутствует, употребление личного местоимения сопровождается дополнительной информацией, например, перечислением состава обозначаемого референтного множества, как в высказывании:

Мы все пошли к выходу с перрона. Мы — это мы с отцом, бабушка Евгения Петровна, сестра отца тетя Аня, ее муж дядя Костя Шкляревский и их дети Сева и Витя (В. Войнович) (см. также: Норман 2002, 219сл.).

Это правило распространяется и на имена собственные, в частности, антропонимы, которые, как известно, характеризуются категориальной референтной омонимией, например:

Фамилию у Ивана она в ту ночь спросить постеснялась и теперь написала: "Красная Армия, Энская часть, Ивану, который знает" (В. Войнович).

Имя собственное *Иван* является определенным символом только для корреспондента, поэтому его референт характеризуется в речи дополнительными идентифицирующими признаками ('тот Иван, который знает, кто является отправителем данного сообщения').

Неопределенная семантика личных (определенных) местоимений выдвигается на первый план в лирической поэзии, где отсутствует прямой коммуникативный контакт автора и читателя. Т. М. Сильман писала, что личные местоимения в лирическом жанре позволяют реализовать авторское "инкогнито" — конкретность и сверхличность:

“Лирическое стихотворение должно восприниматься как соотношение величин, отвлеченных от индивидуальной определенности действующих лиц. Иначе интерес к лирическому стихотворению был бы равен “интересу” человека, читающего письмо, направленное не ему, а другому адресату” (1977, 199).

Указательные местоимения, как уже отмечалось, употребляются для выражения эмпирической либо коммуникативной определенности. При этом, однако, предмет сообщения может оставаться неизвестным говорящему, например, при первой “встрече” с референтом. Когнитивная неопределенность указательных местоимений (обычно в субстантивированной форме *это*) может выдвигаться на первый план — тогда местоимение является носителем информации о том, что речевой субъект не может идентифицировать предмет сообщения, ср. характерный вопрос:

— *Что это?* = ‘С каким объектом из известной мне предметной области идентифицируется наблюдаемый/упомянутый неизвестный объект х’.

Неслучайно указательные местоимения используются как своеобразные “маскировочные” средства — с их помощью говорящий скрывает от адресата часть информации об объекте. В польском языке семантику неопределенности действия выражают употребляемые как проverbs местоимения *tego/potego* (Piernikarski 1990, 1999сл.), например:

Musisz dobrze te kółka potego, żeby nie puszczaly.

Встречается употребление указательных местоимений в эвфемистической функции, например, название посвященной проблемам секса передачи на российском телеканале НТВ “Про *это*”.

Личные местоимения используются при условии, что получатель сообщения хорошо представляет себе структуру речевого акта, т.е. коммуникативные роли участников информационного обмена, и способен адекватно определить, кто является в диалоге говорящим, кто — адресатом, кто — зрителем. Поэтому в лексическом содержании личных местоимений можно выделить два признака: ассертивный и пресуппозитивный. Ср. пример толкования:

Я = ‘1 (лексическое значение). Употребляется для указания на говорящего; 2 (семантическая пресуппозиция). Адресату сообщения известно, кто является говорящим’.

Обратим внимание, что данная семантическая пресуппозиция сохраняется при отрицании слова, т.е. удовлетворяет критерию, обязательному для всех пресуппозиций, ср.:

Это сделал я.

Это сделал не я.

Общей частью содержания данных взаимоотрицаемых выражений является пресуппозиция ‘Адресату сообщения известно, кто является говорящим’. Если бы она была ложной (представим себе общение без актуального визуального контакта коммуникантов, например, в темноте, и без их предварительного аудиального контакта, т.е. при неспособности адресата идентифицировать говорящего по голосу), то речевой субъект вынужден был бы избрать другую форму номинации или же предварительно характеризовать себя с помощью существительного.

В высказывании

(Учитель обращается к одному из учеников) *А теперь ты пойдешь к доске*

местоимение 2-го лица само по себе не содержит определенности ИГ с семантической функцией агенса, потому что зрителям не известно, кому из них адресовано сообщение и без дополнительного вербального или паравербального указания на конкретное лицо данное высказывание не уместно (подтверждением чего является то, что оно в рассматриваемой речевой обстановке не может быть реализовано в письменной форме — написано на доске).

Наибольшая степень определенности, как уже указывалось, свойственна личному местоимению 1-го лица единственного числа — говорящий наиболее легко идентифицируется по движениям внешних речевых органов, голосу и другим аудио-визуальным признакам:

“Der Sprecher garantiert, daß in seiner Verwendung das Pronomen der ersten Person einen Gegenstand — oder ein Designatum — besitzt. Es gibt jedoch keine Garantie im Falle anderer Demonstrativa” (Chisholm 1992, 76).

При отсутствии визуального контакта с говорящим определенность местоимения 1-го лица уменьшается, например, при общении по телефону (Киклевич 2001, 185). *Я* в письменном тексте определено еще слабее, поэтому требуется дополнительная дескриптивная характеристика лица, ср. финальные формы типа *твой друг Вася* в эпистолярных текстах.

Референт местоимения 2-го лица конкретизирован менее отчетливо, во-первых, потому, что моторно-двигательная активность адресата, по сравнению с говорящим, слабее. Во-вторых, как уже указывалось, адресат сообщения не всегда совпадает со слушающим, а внешние, проксемические различия адресата и зрителя (группы зрителей) не всегда очевидны.

Слабоопределенность форм 1-го и 2-го лица множественного числа проявляется, в частности, в том, что они представлены двумя вариантами — инклюзивным и эксклюзивным (Rittel 1985, 68), ср.:

мы = я + ты или *я + вы*

мы = я + он или *я + они*.

Подобная неопределенность местоименных форм 1-го и 2-го лица преодолевается в конструкциях типа *мы с ней, вы с ним, мы с Иваном*. В немецком языке подобные сочетания не распространены, ср.:

мы с Францем (‘я и Франц’) — *ich und Franz, *wir mit Franz*.

В отдельных высказываниях с местоимениями *мы* и *вы* ни говорящий, ни слушающий вообще не имеют прямого отношения к описываемой ситуации, например:

...А мы в Седлецкой губернии силою и обманом обращали в православие униатов... (А. Кони).

В данном случае говорящий не принимает непосредственного участия в описываемом событии, а словоформа *мы* значит: ‘правительство той страны, гражданином которой я являюсь’. В выражениях данного типа можно говорить о расширительном значении местоимения. Подобная семантика выражается русским адвербиальным местоимением *теперь*. Если, как пишет И. А. Мельчук, местоимение *сейчас* имеет конкретное темпоральное значение ‘в момент речи’ ‘в ближайший момент после момента речи’, то местоимение *теперь* — расширительное значение ‘в данный период — в период времени, которому относится и момент речи’ (1995, 59ссл.), ср.:

Сейчас я занят.

Сейчас приду.

Теперь мы живем хорошо.

Оппозицию дейктических операторов темпоральности (*в данный момент — сейчас — сегодня — теперь — ныне* и т.д.) можно квалифицировать как градуальную, потому что ее отдельные члены различаются степенью конкретизации времени речевого акта.

Подобная градуальность наблюдается и в области пространственных детерминаторов, например, немецких лексем *hier* и *da*: первая имеет более узкое значение ‘в месте речевого акта’, другая — более широкое значение ‘в интерактивной области говорящего’ (Ehrlich 1990, 13сл.), что подтверждается примерами из речевой практики (реплики по телефону):

Ist Hans da?

**Ist Hans hier?*

Следующую, по сравнению с местоимениями 1-го и 2-го лица, ступень в иерархии определенности занимают местоимения 3-го лица, чаще всего выражающие коммуникативную (анафорическую) определенность ИГ. Предупомянутасть в тексте как семантическое свойство анафорических местоимений — слишком общий признак, к тому же внешний по отношению к предмету, так что идентифицировать предмет только на основании данного признака возможно далеко не всегда, ср.:

Я хочу показать тебе одну книгу. Она написана известным писателем.

ИГ *она* может быть истолкована здесь как ‘упомянутый предмет’. Этой информации, однако, слишком мало, чтобы адресат самостоятельно, без подсказки говорящего смог выделить данную книгу из множества других книг (при условии, что в этом множестве имеется по крайней мере несколько книг, написанных известными писателями).

Неопределенность семантики 3-го лица А. М. Пешковский весьма убедительно продемонстрировал на примере:

Комендант велел дворнику отнести вещи жильца к себе.

Данное высказывание (лишенное связи с контекстом) может иметь два различных толкования: дворник должен был отнести вещи жильца либо в комнату коменданта, либо в свою комнату. В связи с подобной двусмысленностью А. М. Пешковский писал:

«В тех случаях, когда возвратное местоимение относится к 3-му лицу, может возникнуть некоторая неясность в его значении, объясняющаяся конкуренцией нескольких третьих лиц, к одному из которых можно отнести возвратное местоимение. Дело в том, что в отличие от первого лица, которое, конечно, всегда едино для всей данной речи, и второго лица, которое всегда едино для данного предложения, третье лицо может мыслиться перемененно на протяжении даже одного и того же предложения» (1935, 146).

Наименьшей степенью определенности ИГ, выраженных личным местоимением в 3-м лице, по-видимому, объясняется тот факт, что в формах этого типа, в отличие от 1-го и 2-го лица, проявляется — как своего рода компенсация — дифференциация по роду (которая, впрочем, варьируется в разных языках).

В. Мёдунка (Miodunka 1974, 75) указывает, что референт ИГ, построенной по модели “притяжательное местоимение + существительное”, является определенным. Это, однако, верно лишь по отношению к сингулярным выражениям типа *мой отец*. Если же экстенционал выражения включает более одного элемента, такое выражение является лишь частично определенным. Так, выражение *мой брат* характеризует лицо как ‘такой, по отношению к которому я являюсь братом / такой, который по отношению ко мне является братом / такой, с которым меня связывает отношение *быть братом*’, однако оно не позволяет выделить лицо из множества братьев. Именно поэтому возможно объединение в одной синтагме притяжательных и неопределенных местоимений, ср.: *один из моих братьев, какой-то его знакомый, кто-то из наших руководителей*, а также объединение притяжательного местоимения и неопределенного артикля, ср. (примеры Р. Ницоловой): болг. *една нейната картина*, нем. *eines ihrer Bilder*. В высказывании

Продав весь свой товар, она побежала в поликлинику к своей приятельнице — регистраторше Варя — узнать, не приходил ли ее тренер по боксу в поликлинику (“Литературная газета”. 02.05.1984)

слабоопределенность ИГ *ее тренер по боксу* проявляется двояко: с одной стороны, потенциально имеются два antecedента: *ее* — *она*, *ее* — *регистраторша Варя*; с другой стороны, может варьироваться предикативное отношение: ‘тот, кто тренирует ее’ или ‘тренер по боксу, который за ней ухаживает’ (в приведенном тексте реализуется второе значение).

Слабоопределенность притяжательных местоимений 3-го лица в немецком языке проявляется в том, что они выступают как проформы подлежащего (т.е. как аналоги рефлексивного местоимения) либо находящегося в том же высказывании или за его пределами antecedента (т.е. как аналоги личных местоимений) (Киклевич 1996, 205), ср.:

Die Großmutter liebte sehr ihre Enkelkinder.

Это высказывание, в принципе, может иметь два прочтения: *Бабушка очень любила своих внуков* или *Бабушка очень любила ее* (т.е. некоторого ранее упомянутого лица женского пола) *внуков*.

Варьируется и степень определенности собственных имен. На это указывает отмеченность либо неотмеченность их сочетаний с неопределенными местоимениями, ср.:

Приходил некто Воропаев.

**Приходил некто господин Воропаев.*

**Приходил некто Иван.*

**Приходил некто Ванюша.*

**Приходил некто Иван Петрович.*

? *Приходил некто Иван Петрович Воропаев.*

? Приходил некто Иван Воропаев.

Имя лица обладает большей степенью определенности, чем фамилия, ср.:

Эту книгу написал Иван.

Эту книгу написал Шерстов.

В первом случае предполагается, что автор книги известен говорящему, во втором случае не исключена интерпретация, при которой говорящему ничего не известно об авторе кроме того, что его фамилия — *Шерстов*. Впрочем, существуют контексты, в которых и имя лица может употребляться как неопределенный символ со значением ‘тот, кого зовут *H* (кто представился как *H*)’. Ср. ситуацию телефонного разговора:

— Тебе звонил Шура.

Данная реплика возможна также в ситуации, когда референт собственного имени не известен говорящему, ср. телефонный диалог:

— Будьте добры, *Нину*.

— *Нины нет дома. Может, что-нибудь передать?*

— *Передайте, что звонил Шура*.

На определенную или неопределенную интерпретацию собственного имени влияют также различные контекстные факторы, например, лексическое значение глагола, ср.:

К тебе пришел Шура.

В данном случае используется визуальный канал получения информации о ситуации, который является более сильным фактором идентификации объекта, чем акустический.

К. Доннелан обратил внимание на двоякое — референтное и атрибутивное — употребление определенных дескрипций (Donnellan 1966, 285ссл.; русский перевод: 1982, 139ссл.). Ср. высказывание:

Smith's murderer is insane.

При первой интерпретации выражение *smith's murderer* означает конкретное, известное говорящему лицо, при второй высказывание значит: ‘Если кто-то посмел убить Смита, который был милейшим человеком, таким жестоким способом, то он должен быть сумасшедшим’. С нашей точки зрения, различие данных интерпретаций касается не референтности ИГ *smith's murderer*, а ее определенности/неопределенности: в первом случае лицо извещено известно говорящему, во втором — не известно, хотя говорящий предполагает, что убийца Смита существует — иначе сообщение было бы лишено смысла. Этот второй случай можно квалифицировать так: ИГ обладает признаками коммуникативной определенности и когнитивной неопределенности. Подобные языковые выражения имеют статус свежих новостей, ср. речевую ситуацию:

А: Ты слышал об убийстве Смита?

В: Нет.

А: Кто мог его убить?

В: Убийца Смита — сумасшедший.

Об убийце Смита говорящий может сказать только то, что он ранее упомянут в разговоре — никакой другой информации о референте данной ИГ у говорящего нет. Можно, таким образом,

сделать вывод о том, что когнитивная определенность, по сравнению с коммуникативной, имеет более высокий статус.

Градуальность наблюдается и в области неопределенности. Исследователи различают слабоопределенные и неопределенные местоимения, например:

Приходил один студент.

Приходит какой-то студент.

В первом случае референт является неопределенным только для слушающего, во втором — для слушающего и для говорящего. Семантику слабоопределенности в русском языке выражают местоимения группы *кое-* (Birkenmaier 1977, 57), ср.:

Я тебе кое-что купил.

Нам надо поговорить с тобой кое о чем.

К нам еще кое-кто должен прийти.

В литературе встречается разграничение специфической и неспецифической референции, которое базируется на известности/неизвестности объекта сообщения говорящему (Braunmüller 1977, 77). Так, в выражении

ein Freund von mir

существительное является слабоопределенным: его референт, хотя и неизвестен слушающему, известен говорящему. Существует точка зрения, согласно которой и определенный, и неопределенный артикль указывают на присутствие в тексте информации об объекте, только определенный артикль отсылает к предшествующей, а неопределенный — к последующей части текста (Heinemann/Viehweiger 1991, 30).

6. Особого внимания заслуживает проблема взаимодействия детерминативной функции с другими функциями ИГ, прежде всего с референтной. Граница между категориями определенности и референтности отнюдь не строга, и зачастую в литературе можно встретить отождествление этих категорий по признаку идентификации объекта (Ehrich 1990, 11). При описании артиклевых языков трудности разграничения данных категорий объясняются тем, что артикли функционируют и как средства референтности/генеричности, и как средства (коммуникативной) определенности/неопределенности, ср. (примеры В. Гладрова):

Der Kranker singt keine Lieder — Ein Kranker singt keine Lieder.

Weigert sah einen Hund über die Straße laufen. Er stürzte sofort hinterher. Aber der Hund war auf der anderen Seite schnell hinter einer Baracke verschwunden.

В первом случае имеется противопоставление *референтность* — *генеричность*, во втором случае — противопоставление *определенность* — *неопределенность*.

В. Гладров предлагает следующее решение вопроса о соотношении категорий референтности и определенности: генерические существительные не различают значений определенности/неопределенности; если же к ним применяются артикли *der* и *ein*, то они выражают принципиально иные значения. Оппозиция определенности/неопределенности реализуется только при референтном употреблении существительного: чтобы быть определенным или неопределенным, существительное должно соотноситься с конкретным денотатом (Gladrow 1979, 34сл.). Из этого вытекает, что существуют ИГ трех типов:

а) генерические (ни определенные, ни неопределенные),

- б) референтные определенные,
- в) референтные неопределенные.

Подтверждением нерелевантности детерминативной оценки генерических ИГ, по мнению Гладрова, является то, что при генерическом значении неопределенного артикля повторное употребление существительного не сопровождается заменой неопределенного артикля на определенный, ср.:

Weigert langweilte sich jetzt häufig. Er suchte einen Hund, der ihm Gesellschaft leisten sollte. Als er schließlich einen Hund gefunden hatte, konnte er sich nicht ihm anfreunden. Der Hund war störrisch und irgendwie aggressiv.

При первом употреблении ИГ *einen Hund* выражается значение генеричности, при повторном употреблении той же ИГ оно сменяется значением референтности — речь уже идет о конкретной, но неопределенной (для слушающего) собаке. При очередном употреблении данного существительного выражается значение определенности — *der Hund* значит ‘упомянутая собака’.

Надо, однако, заметить, что В. Гладров рассматривает так называемое «эталонное» генерическое употребление нарицательных существительных, а оно несет на себе сильные признаки предикативности. Некоторые исследователи квалифицируют такое употребление существительных как неопределенное (Heusinger 1997, 16). Что касается «родовых» генерических ИГ, то здесь положение принципиально иное: существительное (во множественном или единственном числе) обозначающее целый класс, является определенным, если задано свойство, общее для всех элементов данного класса. Таким образом, для ИГ в высказываниях типа

Птицы теплокровны

мы вводим понятие генерической определенности. Генерические ИГ типа *птицы* являются носителями виртуальной квантификации (Киклевич 1998, 67): они указывают на то, что в высказывании рассматривается весь класс птиц, т.е. имеется вся необходимая информация для того, чтобы идентифицировать объект — носитель признака “теплокровность”. Указание на “качественную определенность” форм родового единственного числа встречаем у Д. И. Руденко (1990, 202).

Введение понятия генерической определенности позволяет по-новому интерпретировать детерминативную функцию некоторых типов синтаксических структур, например, инфинитивные предложения с нулевым подлежащим:

*Встать!
Судьбы не миновать!*

В первом случае референт нулевого подлежащего определен — это адресат сообщения, ср.: ‘Тот, к кому я обращаюсь, должен встать’. Во втором случае нулевое подлежащее нереперентно, ср.: ‘Никто из людей не может миновать судьбы’. Но и в этом случае синтаксический ноль обладает признаком определенности (здесь — генерической), который следует, видимо, считать существенной семантической характеристикой нулевого подлежащего в конструкциях данного типа.

“Производитель действия” в неопределенно-личных предложениях считается неопределенным (Белошапкина 1977, 98), ср.:

Дни поздней осени бранят обыкновенно (А. Пушкин).

Такая интерпретация является характерным примером отождествления нереперентности и неопределенности. С нашей точки зрения, в данном случае синтаксический ноль выражает генери-

ческую определенность — виртуальное множество объектов, известных говорящему как носители признака “люди”.

С учетом генерической определенности можно предложить следующую типологию ИГ:

	Референтные ИГ	Генерические ИГ
Определенные ИГ	<i>Иван Петрович читает. Эти яблоки еще зеленые.</i>	<i>Львы — хищники.</i>
Неопределенные ИГ	<i>Звонил какой-то студент. Познакомился с одной студенткой.</i>	

Нереферентные существительные, как видим, могут быть маркированы с точки зрения категории определенности, но оппозиция определенных/неопределенных ИГ здесь отсутствует. Определенность/неопределенность различаются в рамках референтности, а референтность/нереферентность различаются в рамках определенности. Неопределенные нереферентные ИГ не представлены. Если ИГ является неопределенной и нереферентной, она является не аргументом, а предикатом, как в случаях типа:

Людмила работает счетоводом.

Конечно, существуют конструкции, в которых неопределенное местоимение присоединяется к нарицательному существительному, однако здесь либо существительное имеет конкретно-референтное значение, либо местоимение не имеет значения неопределенности, ср.:

Какие-то предметы горят (а какие-то нет).

Там горят какие-то предметы.

В первом случае неопределенное местоимение выступает в экзистенциальном значении, на что указывают трансформации:

Некоторые предметы горят.

Существуют воспламеняющиеся предметы.

Во втором случае неопределенное местоимение применяется к референтной ИГ, называющей некоторое конкретное, наблюдаемое подмножество объектов.

7. «Всякий язык, — писал Х.Борхес, — представляет собой алфавит символов, употребление которых предполагает общее с собеседником *п р о ш л о е*». Особенность «алфавита» прономинальных символов языка — прототипических средств выражения детерминативной функции ИГ, заключается в том, что их употребление предполагает общее с собеседником *н а с т о я щ е е*. Здесь имеются в виду разного рода контекстные «поддержки», без которых употребление этих символов было бы невозможным. Конечно, слова типа *я, этот, здесь* обладают стабильными, надконтекстными элементами значения, но их реализация в речи конфигуративна — она опирается на взаимодействие двух типов знания — языкового и неязыкового. Из этого следует вывод, что семантический и грамматический термин «категория определенности» таит в себе противоречие: языковые средства данной категории, в действительности, как таковой определенности в себе не заключают — лишь отсылают к практическому, интеллектуальному или речевому опыту языковых субъектов, который и является источником информации о характере и способах идентификации описываемых референтов. Поэтому, вопреки сложившейся традиции, определенность/неопределенность рассматривается в данной работе как континуальная категория, в которой отсутствует строгая граница между подклассами определенных и неопределенных местоиме-

ний. Не только категория в целом, но и ее отдельные подклассы имеют градуальную природу: семантические различия языковых форм детерминативности заключаются, помимо прочего, и в степени экспликации известности референта ИГ — конститутивного признака рассматриваемой функции языковых единиц. Идея синергетичности и внутренней континуальности категории определенности/неопределенности, как представляется, может быть полезной и плодотворной для дальнейшего изучения данной области семантики естественных языков.

Литература

- Белошапкина, В.А. (1977), *Современный русский язык. Синтаксис*. Москва.
- Богданов, В. В. (1977), *Семантико-синтаксическая организация предложения*. Ленинград.
- Бондарко, А.В. (1991), *Теория функциональной грамматики*. Персональность. Залоговость. С.-Петербург.
- Булыгина, Т.В./Шмелев, А.Д. (1997), *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва.
- Вендлер, З. (1982), *Сингулярные термины*. В: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции), Москва. С. 203-236.
- Джеймс, К. (1989), *Контрастивный анализ*. В: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика. Москва. С. 205-307.
- Доннелан, К. С. (1982), *Референция и определенные дескрипции*. В: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции), Москва. С. 134-160.
- Земская, Е.А./Капанадзе, Л.А. (eds.) (1978), *Русская разговорная речь. Тексты*. Москва.
- Киклевич, А. К. (1996), *Об индексальных выражениях с семантикой посессивности (на материале русского и немецкого языков)*. В: Славяно-германские языковые параллели. Минск. С. 190-212.
- Киклевич, А. К. (1998), *Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации*. München.
- Киклевич, А. (2001), *Стереотипы телекоммуникации и художественная символика телефона*. В: Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 48. S. 167-196.
- Кларк, Г.Г./Карлсон, Т.Б. (1986), *Слушающие и речевой акт*. В: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. Москва. С. 270-321.
- Мельчук, И. А. (1995), *Русский язык в модели "Смысл ⇔ Текст"*. Москва — Вена.
- Норман, Б. Ю. (2002), *Русское местоимение «мы»: внутренняя драматургия*. W: Russian Linguistics. 26. P. 217-234.
- Падучева, Е. В. (1985), *Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва.
- Пешковский, А.М. (1935), *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Пипер, П. (1988), *О возвратных местоимениях в русском языке*. В: Актуальные вопросы русской морфологии. Москва. С. 80-87.
- Рассел, Б. (1993), *Человеческое познание*. Москва.
- Ревзин, И. И. (1978), *Структура языка как моделирующей системы*. Москва.
- Руденко, Д. И. (1990), *Имя в парадигмах "философии языка"*. Харьков.
- Серль, Дж. (1982), *Референция как речевой акт*. В: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва. С. 179-202.
- Сильман, Т. (1977), *Заметки о лирике*. Ленинград.
- Супрун, А. Е. (1993), *О прагматической парадигме русского личного имени собственного*. В: Russistik. Nr 2. С. 43-53.
- Химик, В. В. (1990), *Категория субъективности и ее выражение в русском языке*. Ленинград.
- Чейф, У. Л. (1975), *Значение и структура языка*. Москва.
- Berger, T./Weiss, D. (1987), *Die Gebrauchsbedingungen des Anaphorikums "tot" in substantivischer*

- Verwendung*. B: Slavistische Linguistik. Referate des XII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. München. S. 9-93.
- Birkenmaier, W. (1977), *Die Funktion von odin im Russischen*. B: Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. XXXIX. S. 43-59.
- Braunmüller, K. (1977), *Referenz und Pronominalisierung: zu den Deiktika und Pronomen des Deutschen*. Tübingen.
- Chisholm, R. (1992), *Die erste Person. Theorie der Referenz und Intensionalität*. Frankfurt am Main.
- Clark, H. H./Carlson, T. B. (1982), *Hearers and Speech acts*. B: Language. 58. P. 332-373.
- Donnellan, K. S. (1966), *Reference and definite descriptions*. B: The Philosophical Review. 75/3. P. 281-304.
- Ehrich, U. (1990), *Bedeutungsanalyse in einem sprachverstehenden System unter Berücksichtigung pragmatischer Faktoren*. Tübingen.
- Gladrow, W. (1979), *Die Determination des Substantivs im Russischen und Deutschen*. Leipzig.
- Halliday, M. A./Hasan, R. (1976), *Cohesion in English*. London — New York.
- Heger, K. (1965), *Personale Deixis und grammatische Person*. B: Zeitschrift für romanische Philologie. 81. 1/2. S. 76-97.
- Heinemann, W./Viehweiger, D. (1991), *Textlinguistik. Eine Einführung*. Tübingen.
- Heusinger, K. von (1997), *Salienz und Referenz: der Epsilonoperator in der Semantik der Nominalphrase und anaphorischer Pronomen*. Berlin.
- Hlavsa, Z./Svozilová, N. (1969), *K povaze významu u zájmen*. B: Slovo a slovesnost. XXX. S. 120-124.
- Knobloch, C. (1992), *Eigennamen als Unterklasse der Nomina und in der Technik des Sprechens*. W: Sprachwissenschaft. 17. S. 451-473.
- Kutschera, F. von, (1971), *Sprachphilosophie*. München.
- Laskowski, R. (1993), *Osoba*. B: *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław etc. S. 377-378.
- Lehfeldt, W. (1996), *Einführung in die Sprachwissenschaft für Slavisten*. München.
- Looser, M. (1975), *Personalpronomen und Subjektivität*. B: Ansätze zur materialistischen Sprachtheorie. Kronberg / Ts.. S. 234-278.
- Mangold-Allwin, R. et al. (Hrsg.) (1995), *Wörter für Dinge von flexibel Konzepten zu variablen Benennungen*. Opladen.
- Miodunka, W. (1974), *Funkcje zaimków w grupach nominalnych współczesnej polszczyzny mówionej*. Kraków.
- Piernikarski, C. (1990), *Struktura syntaktycznych grup homogenicznych (w zestawieniu z niektórymi grupami heterogenicznymi)*. Wrocław etc.
- Rittel, T. (1985), *Kategoria osoby w polskim zdaniu*. Warszawa — Kraków.
- Runggaldier, E. (1985), *Zeichen und Bezeichnetes: sprachphilosophische Untersuchungen zum Problem der Referenz*. Berlin etc.
- Scherner, M. (1979), „Person“ als texttheoretische und textanalytische Grundkategorie. B: Wirkendes Wort. 2. S. 93-114.
- Schroeder, Ch. (1989), *Sprachlicher Ikonismus: Theoretische Grundlagen und Beispiele aus dem Türkischen*. B: Papiere zur Linguistik. 41/2. S. 3-76.
- Schuch, G. von (1990), *Einführung in die Sprachwissenschaft*. München.
- Schwarze, Ch./Wunderlich, D. (1985), *Handbuch der Lexikologie*. Königstein/Ts.
- Welte, B. (1980), *Person und Welt. Überlegungen zur Stellung der Person in der modernen Gesellschaft*. B: Person und Verantwortung. Zur Bedeutung und Begründung von Personalität. Düsseldorf. S. 9-25.